

которой соединился поэтический ум литовца и украинца с общинным духом великоросса. Сами этнографы отмечают в населении этой части России специальные этнографические черты.

Конечно, крестьяне Тургенева (Тула и Орел) отличаются большей реальностью, его типы более ясно очерчены, а любой из современных беллетристов-народников, даже из менее талантливых, пошел дальше Григоровича в исследовании характера и жизни крестьянства. Но повести Григоровича, при всех указанных недостатках, оказали огромное влияние на целое поколение. Они научили нас любить крестьян и чувствовать всю тяжесть долга, лежащего на нас, образованной части общества, по отношению к крестьянству. Повести эти чрезвычайно помогли развитию того общего чувства сожаления к положению крепостных, без которого уничтожение крепостного права было бы отодвинуто на много лет и, во всяком случае, не имело бы такого решительного характера. В более позднюю эпоху его произведения, несомненно, имели влияние на создание того движения «в народ», которое началось в семидесятых годах.

Другим писателем той же школы, произведшим глубокое впечатление как раз накануне освобождения крестьян, была Мария Маркович, писавшая под псевдонимом Марко Вовчок. Она была великороска из дворянской семьи Центральной России, но вышла замуж за малорусского писателя, Марковича, замечательного этнографа, и ее первая книга рассказов из крестьянской жизни (1857—1858) была написана на великолепном, глубоко поэтическом малорусском языке (Тургенев перевел эти рассказы по-великорусски). Она вскоре, однако, возвратилась к своему родному языку, и вторая книга ее рассказов из крестьянской жизни и последовавшая за ней повесть из жизни образованных классов были написаны по-великорусски. Обе значительно уступали первой.

В настоящее время повести и рассказы Марка Вовчка могут показаться чересчур сантиментальными — знаменитая повесть Гарриет Бичер-Стоу также производит теперь подобное впечатление, — но в те годы, когда величайшим вопросом для России было: будут ли освобождены крестьяне, и когда все лучшие силы страны требовались для борьбы за освобождение, — в те годы вся образованная Россия упивалась повестями Марка Вовчка и рыдала над судьбой ее героинь-крестьянок. Но и помимо этой службы требованиям момента (а, по моему мнению, искусство обязано приходить на службу обществу, особенно во времена подобных кризисов), очерки Марка Вовчка имели серьезное достоинство. Их «сантиментальность» вовсе не была сантиментальностью XIX века, за которой скрывалось отсутствие действительного чувства. Напротив, в них чувствовалось горячее биение любящего сердца; в них разлита истинная поэзия; в них чувствуется веяние глубоко поэтической украинской народной поэзии, поэтических песен Украины. С этой народной поэзией г-жа Маркович была настолько знакома, что, как замечали русские критики, она дополняла свое несовершенное знание действительной народной жизни, вводя мастерским образом многие черты, вдохновленные народной поэзией и песнями Украины. Ее герои не были реальны, они отзывались изобретением; но атмосфера украинской деревни, краски местной жизни присущи этим очеркам; мягкая поэтическая грусть украинского крестьянства изображена мягкой кистью женщины-художника.

Среди беллетристов-народников этого периода следует упомянуть о Данилевском (1829—1890). Хотя он более известен как автор исторических романов, его три повести «Беглые в Новороссии» (1862), «Беглые воротились» (1863), и «Новые места» (1867), в которых описывается жизнь свободных переселенцев в Новороссии, пользовались большим успехом. В них было рассыпано немало живых и очень симпатичных сцен из жизни этих переселенцев — в большинстве случаев беглых, которые захватывали свободные земли без разрешения на то правительства в недавно присоединенных территориях юго-западной России и делались жертвами предприимчивых дельцов.

Переходный период

Несмотря на все достоинства их работ, Григорович и Марко Вовчок упускали из виду, что, делая жизнь беднейших классов населения сюжетом своих произведений, они должны были бы озаботиться о подыскании для этой цели более подходящей литературной оболочки. Обычная литературная техника, выработанная для повестей из жизни обеспеченных классов — с их манерностью, с «героями», которых теперь поэтизируют так, как когда-то поэтизировали рыцарей в рыцарских романах, — конечно, оказывается неподходящей формой для повестей из жизни американских скваттеров или русских крестьян. Надо было найти новые методы и другой стиль; но это было достигнуто лишь посте-